

ганная, искала убежища в своей комнате. Несколько часов спустя Далиман в безопасности восседал на своем престоле, окруженный одними старейшинами, а народ, оруженосцы и другие воины разошлись по домам и запылись лошадьми, оружием и другими делами. Султан приказал отправиться в комнаты его дочери и привести эту безумную изменницу. В то время, когда она находилась перед лицом испуганного тирана, и одна, без помощи, подвергнутая поруганию, выслушивала ужасные угрозы, Бозмунд с высоты башни в окошко смотрел во внутренности дворца и, глубоко огорченный, видел, как его освободительница в смущении явилась на суд. «Смотрите, – говорил он, – паша благодетельница повергнута в страх; теперь нужно выйти и помочь ей изво всех сил». Немедленно Бозмунд и его товарищи сходят тихо по ступеням башни во дворец; с оружием в руках окружают Далимана, всех его предводителей и вождей; запирают накрепко ворота и овладевают всеми важнейшими пунктами. Тогда собрание в свою очередь испытало беспокойство и не знало, как тут поступить. Так как двери были заперты, то турки не могли обратиться в бегство и были окружены вооруженными рыцарями; кроме того, находясь в малом числе и без оружия, они не могли сопротивляться людям отважным, имевшим на своей стороне и численный перевес, и все средства к нападению. В эту минуту христиане могли избить всех язычников; по вследствие клятвы, данной княжне, они не осмеливались без ее приказа ни ударить кого-нибудь, ни нанести какой-нибудь обиды. Все рыцари смотрели на нее и ожидали ее приказаний, чтобы не нарушить своего слова.

Наконец Мелазия, придя в себя, засмеялась и, воссев посреди франков, как бы она была их повелительницей, сказала Далиману: «Мой любезный отец, вы несправедливо раздражены против меня и напрасно устрашаете меня угрозами и осыпаете поруганиями за спасительную помощь, которую я подала вам с таким искусством и для ваших выгод, с полшой любовью к вам; ибо франки, явившись в сражении, усилили вашу сторону и ускорили поражение непри-

ятеля. Подумайте, как честно поступили христиане: они с верностью поддержали вас в битве, и под их ударами враг обратил тыл. Они имели все средства убежать, как то пойма и самый нещадливый человек; но, не желая уйти от вас, не простившись с вами, они возвратились добровольно и теперь с полной доверчивостью просят у вас всего великодушия награды за свою храбрость. И теперь они держатся за рукоятки мечей, могут, если захотят, перерезать нас всех, владеют крепостью, дворцом и всеми его сокровищами, а ваша стража в оковах не смеет и роптать на них. При таком положении вещей, подумайте, мой отец, как следует вам поступить, и выслушайте спасительные советы окружающих вас людей».

Сказав это, княжна стала во главе христиан. Между тем Далиман, отойдя в сторону, совещался со своими. Потом, сев снова, он сказал: «Мы желаем, моя дочь, прежде всего выслушать ваше мнение». Княжна отвечала: «Я могу вам сказать немеленно, что я считаю благоразумным. Заключите мир с христианами; и пока вы живете, да сохранится между вами ненарушимая дружба. Освободите всех пленных, которые живут на вашей земле, и они со своей стороны пусть возвратят вам ваших подданных, находящихся в вашей власти. Наградите достойным образом за славные услуги Бозмунда и его соратников, с помощью которых вы одержали победу. Знайте, кроме того, что я христианка, что я желаю возродиться таинствами закона Христа и что я не останусь более жить с вами. Закон христианский свят и достоин уважения, между тем как ваш исполнен тщеты и осквернен всякой мерзостью».

Слыша такие слова, турки пришли в раздражение и выразили свое негодование свирепыми взглядами и гневными телодвижениями. Но, сдержанные самим Богом, они не могли осуществить на деле злых намерений своего печестивого сердца. Пока они совещались между собой, Мелазия отвела в сторону христиан и говорила им: «Будьте мужественны, храбрые витязи, испытанные в стольких приключениях и бедствиях; вы добровольно пришли из отдаленных стран и своим мужеством спаслись от стольких